8. *Мурзаев Э. М.* Географическая ориентация и ее отражение в топонимии // Известия РАН. Серия географическая. 1993. № 4. С. 35–42.

9. *Мурзаев Э. М.* Топонимика и география. М.: Наука, 1995. 179 с.

10. *Суперанская А. В.* Имя через века и страны. М.: ЛКИ, 2007. 192 с.

11. *Суперанская А. В.* Терминологичны ли цветовые названия рек // Местные географические термины. М.: Мысль, 1970. С. 120–127.

12. *Шалиди Л. Ю.* Символика цвета в жизни и искусстве // Вестник ПЛУ. Пятигорск. 1997. № 1–2. С. 58–62.

13. Этнопсихолингвистика / Ю. А. Сорокин, И. Ю. Марковина, А. Н. Крюков и др. М.: Наука, 1988. 192 с.

REFERENCES

1. *Ageeva R. A.* Proishozhdenie imen rek i ozer. M.: Nauka, 1985. 144 s.

2. *Ageeva R. A.* Strany i narody: proishozhdenie nazvanij. M.: Armada-press, 2002. 320 s.

3. *Bochkareva T. V.* Sistema tsvetooboznachenij v drevneanglijskom // Naimenovanija cveta v indoevropejskih jazykah: Sistemnyj i istoricheskij analiz / Otv. red. A. P. Vasilevich, M.: KomKniga, 2007. S. 112–125.

4. *Budur N. V.* Povsednevnaja zhizn' vikingov IX–XI veka. M.: Molodaja gvardija, 2007. 201 s.

5. *Vajsgerber J. L.* Rodnoj jazyk i formirovanie duha. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. 232 s.

6. Kognitivnaja kul'turologija / E.Ja. Rezhabek, A. A. Filatova. SPb.: Aletejja, 2002. 316 s.

7. *Leru F.* Gjujonvarh K.-Zh. Kel'tskaja tsivilizacija. SPb.: Kul'turnaja iniciativa, 2001. 196 s.

8. *Murzaev Je. M.* Geograficheskaja orientatsija i ee otrazhenie v toponimii // Izvestija RAN. Serija geograficheskaja. 1993. № 4. S. 35–42.

9. *Murzaev Je. M.* Toponimika i geografija. M.: Nauka, 1995. 179 s.

10. *Superanskaja A. V.* Imja cherez veka i strany. M.: LKI, 2007. 192 s.

11. *Superanskaja A. V.* Terminologichny li tsvetovye nazvanija rek // Mestnye geograficheskie terminy. M.: Mysl', 1970. S. 120–127.

12. *Shalidi L. Ju.* Simvolika tsveta v zhizni i iskusstve // Vestnik PLU. Pjatigorsk. 1997. № 1–2. S. 58–62.

13. Jetnopsiholingvistika / Ju. A. Sorokin, I. Ju. Markovina, A. N. Krjukov i dr. M.: Nauka, 1988. 192 s.

Е. В. Быкова

МОДУЛЬНЫЙ МЕМОРИАЛЬНЫЙ ТЕКСТ КАК МОНУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОПАГАНДА

Рассматриваются речевые фрагменты мемориального модульного текста, в которых репрезентируются статусные исторические личности. Цель статьи — показать стилистическое соответствие речевых форм презентации персонажа модульного мемориального текста идеологическому стандарту и экспрессии газетного текста определенной эпохи.

Ключевые слова: текст, факт, оценка, образ, концепт, пропаганда.

El. Bykova

MODULAR MEMORIAL TEXT AS A MONUMENTAL PROPAGANDA

This article discusses speech fragments of the memorial modular text representing the status of the historical individual. The purpose of the article is to show the stylistic correspondence of speech forms of present-

ing the character of the modular memorial text to the ideological standards and expression of a certain newspaper text.

Keywords: text, fact, assessment, image, concept, propaganda

Последнее время в обществе отмечается возрастание интереса к отечественной истории, к российской государственности, к политической преемственности, к формированию национальной идеи и национального сознания, которое не мыслится вне актуализации этических концептов: *память, героизм, доблесть, служение*.

Свидетельством тому является тот факт, что вновь, как и в послереволюционные годы, активизировался процесс установки мемориальных досок тем личностям, деятельность которых для страны оценивается и осмысливается как социально значимая. Увеличение количества мемориальных досок легко проследить, если сравнить их число в разные исторические периоды в Санкт-Петербурге, где, кстати, появились первые мемориальные доски в России: до 1917 года было установлено 20 именных досок, в 1979 г. их уже насчитывалось порядка 800, а в 1999 их число выросло до 1500. По данным «Живого журнала», только за последние 10 лет в Санкт-Петербурге было установлено 144 новые именные мемориальные доски, т.е. «ежегодно в городе устанавливается 10–15 мемориальных досок» [10, с. 4]. Внимание к этому виду текстов-памятников становится все более пристальным, на уровне городской администрации начинают обсуждаться новые положения о правилах установки и переноса мемориальных досок [7].

Подобные тенденции объясняются тем, что именные и событийные мемориальные доски в идеологически ориентированном обществе изначально воспринимались и воспринимаются по сей день как «монументальная пропаганда». Существует взаимосвязь между речевым обликом мемориальной доски и речевой спецификой идеологических текстов СМИ определенного периода. Можно сказать, что мемориальные доски не только являются памятниками тому или иному событию, но и отражают официальный язык эпохи (новояз) с присущими ей информационными и стилистическими нормами. Данное суждение представляется тем более справедливым, что недифференцированность реципиента мемориального текста очевидна. Мемориальный текст обращен к людям разного пола, разных политических взглядов, возрастных групп, возрастов, интересов, уровней культуры, характера занятости.

В основе пропаганды как распространения в обществе и разъяснения каких-то воззрений, идей, знаний, учений лежит моноидея, идущая от идеологического демиурга. В результате информационное поле, в котором проводится пропагандистская идеологическая стратегия, существенным образом сужается, что незамедлительно отражается как в тексте СМИ, так и в мемориальных текстах, полностью отражающих идеологическую доктрину времени.

По мнению Н. А. Купиной, лексика тоталитарной эпохи, представляющая собой совокупность мифологем, способствовала разработке системы идеологических примитивов, которые, внедряясь в языковое сознание, осуществляли управление массовой коммуникацией. Именно идеологические примитивы (идеологемы) отражали особенности тоталитарного сознания: формировали особые типы пространства и времени, а также реализовывали аксиологические механизмы, способствовавшие унификации взглядов на окружающую действительность [4].

В тоталитарном языке выделяются несколько групп концептуальных идеологем: идеологемы, связанные с формированием образа врага; идеологемы, связанные с формированием образа героя / друга; идеологемы, связанные с формированием отри-

цательного образа прошлого; идеологемы, связанные с формированием положительного образа настоящего; идеологемы, связанные с формированием положительного образа будущего [6, с. 13].

Проанализируем в указанном аспекте мемориальные тексты, посвященные деятелям КПСС, Советского государства, революционерам, а также тексты, связанные с теми или иными памятными датами.

Образ врага в мемориальном пропагандистском дискурсе представлен рядом разновидностей.

Образ врага Великой Октябрьской социалистической революции: *белогвардейцы, контрреволюционное Временное правительство, царские каратели, царские палачи, банды белогвардейцев, контрреволюционеры, контрреволюционный мятеж, контрреволюция, саботаж и спекуляция, кулацко-эсеровский мятеж, контрреволюционный кронштадтский мятеж, зверски убит эсерами, убит белогвардейской рукой, царские войска и жандармы, юденичевские банды, самодержавие, белофинны, враги революции, банды деникинцев, враги диктатуры пролетариата, интервенты, меньшевики, иностранная интервенция, колчаковцы, махновцы, петлюровцы, контрреволюционные войска Керенского — Краснова*, *Государственная дума.*

Как мы видим из приведенных примеров, образ врага представлен либо прямой или вторичной номинацией, либо называнием события или действия, обусловленных наличием врагов. Все номинации в той или иной степени связаны с идеологемами, формирующими отрицательный образ прошлого.

Образ врага Советского государства: *фашистские захватчики, фашистские оккупанты, фашистская рота, фашистские самолеты, гитлеровская охрана, натиск фашистов, вражеские танки, фашистский лагерь смерти, враги, вражеские самолеты, немецко-фашистские захватчики.*

Образ друга: *боевой вожак революционных матросов, рабочий-путиловец, матрос-большевик, руководитель восстания, профессиональный революционер, ученик и соратник Ленина, рабочий-большевик, революционер-ленинец, член партии, секретарь горкома (райкома), коммунист, комсомолец, чекист, герой гражданской войны, деятель рабочего движения, командир, Герой Советского Союза*.

Идеологемы, формирующие образ друга, героя, органически переплетаются с идеологемами, формирующими положительный образ настоящего и будущего.

Стереотипное восприятие действительности, свойственное идеологическому тексту, в мемориальном тексте еще больше упрощается, подвергается редукции [3, с. 138], сведéнию сложного к простому на разных уровнях текста и укладывается в жесткую систему координат «хорошо» — «плохо». Тенденция к редукции проявляет себя и в мемориальном тексте. Это выражается в использовании стереотипов, фрагментарности образов (в представлении индивидуальностей в виде одноплановых семантических структур), в формировании культа эталонных личностей. Все это позволяет превращать эту объективно существующую тенденцию в субъективный прием манипулирования массовой аудиторией [8, с. 9]. Приведем примеры фрагментов мемориальных досок, в которых актуализированы речевые партии персонажа (В. И. Ленина):

Выступал с докладом об итогах Седьмой (Апрельской) Всероссийской конференции; выступил с речью о задачах пролетариата и революции; выступал с речью о текущем моменте и задачах пролетариата; выступал с речью о международном и внутреннем положении страны и задачах русской революции; заявил о готовности большевистской партии взять власть в свои руки; принята резолюция Ленина о вооруженном восстании; вел переговоры по прямому проводу; написанное Лениным воззвание к крестьянам; выступил с речью о рабочем контроле над производством; выступал с докладом о войне и мире; выступил с речью об

организации профессионального союза сельскохозяйственных рабочих; делал доклад о внешней и внутренней политике; выступал на съезде с отчетом [2, с. 300–315].

Мемориальные тексты с обозначенными выше фрагментами организованы таким образом, что событийная смысловая компонента оказывается «вмонтированной» в семантику факта, а факт, как известно, не нуждается в комментировании или интерпретации и не подвергается субъективной оценке. Поэтому совокупность речевых фрагментов, сообщающих о том, что было когда-либо сказано Лениным, в смысловом плане означает следующее: *все, что сказано, сказано на века*.

В советской печати было мифологизировано практически все информационное пространство: политическое устройство государства, история, мораль. Поэтому «оценка, выражаемая в текстах СМИ, во многих случаях определяется социальными и идеологическими факторами — она обусловливается задачами политической борьбы, противостоянием идеологий, потребностями в позитивной идейной и моральной самопрезентации, часто связанной со стремлением к компрометации оппонента» [8, с. 257]. В приведенных ниже примерах выделенные конструкции несут в себе ярко выраженную идеологическую заданность:

Погиб при ***подавлении кулацко-эсеровского мятежа*** *в Пензенской губернии; в сентябре 1919 года в числе 28 коммунаров* ***расстрелян колчаковцами****;* ***скрывался от полицейских властей царского правительства.*** *Здесь он читал лекции по историческому материализму в социал-демократическом кружке студентов; в дни* ***обороны Петрограда от белогвардейских банд Краснова — Керенского*** *в ночь с 28 на 29 октября (с 10 на 11 ноября) 1917 года Владимир Ильич Ленин посетил Путиловский завод* [2, с. 293–295].

Ю. И. Левин выделяет четыре семиотических типа искажения истины в средствах массовой информации, в основе которых лежит преобразование той или иной реальной ситуации [5]. И в текстах СМИ, и в мемориальных текстах мы встречаем одни и те же приемы манипуляции при формировании смысловой структуры текста. Покажем это на примерах.

Аннулирующее преобразование — умалчивающее описание, пределом которых является «нулевой текст»:

В этом доме 9 августа 1917 года находился В. И. Ленин, ***скрываясь от преследований Временного правительства*** [2, с. 290].

В приведенном примере причинно-следственная связь, по которой персонаж вынужден жить нелегально в стране, гражданином которой является, не эксплицирована, поскольку ее экспликация вне идеолого-пропагандистского контекста разрушает мифологему «Ленин — вождь мирового пролетариата». Исследователи газетного дискурса отмечают, что «в современной печати это весьма распространенный способ искажения действительности, который мож-но определить как ложь политической выгоды. Диапазон дезинформации здесь весьма широк — от замалчивания нежелательных для печатного органа той или иной политической ориентации фактов до полного их извращения» [8, с. 250].

Преобразование, состоящее во введении в ситуацию посторонних предметов или событий:

В этом доме, ***скрываясь от преследований контрреволюционного Временного правительства,*** *с 10 (23) августа 1917 года несколько дней жил и работал Владимир Ильич Ленин* [2, с. 291].

В данном примере введение в речевую структуру дополнительного компонента (*скрываясь от преследований контрреволюционного Временного правительства)*, включающего свернутую пропозицию (*контрреволюционное*), выстраивает, при оценке общей ситуации, имплицитно выраженную оценочную оппозицию: контрреволюционное — плохо, революционное — хорошо, что не

соответствует реальной сложной ситуации, сложившейся в то время, когда происходило это событие.

Преобразование идентификации, при котором аннулируется часть свойств предмета или предиката, в результате чего ситуация остается неопределенной:

Здесь жил *и был арестован 17 марта 1881 года революционер* — ***ученый*** *Николай Иванович Кибальчич —* ***автор одного из первых проектов летательного аппарата с реактивным двигателем*** [2, с. 334].

Текст интерпретирует статус персонажа двояко: с одной стороны, это *революционер, который был арестован*, с другой стороны, это *автор одного из первых проектов летательного аппарата с реактивным двигателем, который жил в этом доме*. Вторая интерпретация придает положительную оценочную коннотацию первой. Таким образом, субъект речи арестован как революционер, а жил и работал как ученый. Однако объективно оценивая происшедшее, мы понимаем, что *революционер* — это не безусловно положительная оценка. Представляя человека как *ученого-революционера*, мы намеренно манипулируем общественным сознанием. Актуализация в тексте компонента *революционер* придает мемориальному тексту идеологическую нагрузку. Идентификация Кибальчича как ученого в данном контексте носит дополнительный, справочный характер соответственно времени установления мемориальной доски.

Однако важно сказать, что пропагандистское, идеологическое воздействие может носить и положительный характер. Приведем в подтверждение пример одного из модальных преобразований, изменяющий модус (способ существования) события:

«Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна» [2, с. 502].

Данный текст, нанесенный на стену дома № 14 на Невском проспекте, при его создании обладал значением синтаксического времени, которое обозначается термином настоящее актуальное. На это указывает временной интенсификатор «при артобстреле» и пространственный — «эта сторона улицы». Коммуникативная функция этого текста заключалась в предупреждении о возможной опасности: *В настоящее время во время артобстрела передвигаться по этой стороне улицы опасно для жизни*.

Изменил смысловую структуру данного текста последний речевой отрезок, который появился позже: *«В память о героизме и мужестве ленинградцев в дни 900-дневной блокады города сохранена эта надпись»*. Этот речевой отрезок задал другое временное значение — прошедшее (историческое) — и вместе с тем изменил коммуникативную функцию текста.

В настоящее время эта надпись приобретает значение мемориала и в реальном времени получает историческую темпоральную соотнесенность благодаря последнему блоку, изменившему хронотоп: время (блокада), пространство (Ленинград). Именно благодаря этому информативному блоку, дате, референтной исторической ситуации и внеречевому контексту (знанию исторической ситуации), нашим современником такая надпись декодируется как: *Во время войны при артобстреле на этом месте гибли люди*. Актуальное временное значение стало «вторичным», текст оказался вне традиционных предикативных значений. Фраза застыла в камне.

Обращение *граждане* в этом контексте приобретает дополнительные высокие коннотации: *граждане своей страны, выдержавшие выпавшие на их долю тяжелейшие испытания*.

Высказывание, имевшее директивную модальность, таковым и остается, однако в корне меняется смысл. В ставшем прошлым актуальном времени директива распространялась на реальное действие: *Во время артобстрела здесь не ходить*. В настоящее время директивная модальность получает иное смысловое наполнение: *Если ты гражданин, ты должен знать и помнить историю своей страны*.

Прагматическая функция мемориальных текстов — преодоление времени.

Мемориальные тексты, посвященные личностям, отражают количественно и в качественном отношении исторический контекст своего времени. Большинство мемориальных досок было установлено в Ленинграде именно в советский период. Мемориальные доски должны были разъяснить читателю, во-первых, почему город переименован в Ленинград (1924 г.); во-вторых, почему после Октября 1917 года бывшая столица Российского государства Санкт-Петербург — Петроград получила новые номинации, перифразы: *колыбель Октябрьской революции*, *город трех революций, культурная столица России, город-герой* и др. Данные идеологические доктрины-обоснования нашли свое отражение в массовом тексте и были закреплены в тексте мемориальном.

Указанное обстоятельство объясняет тот факт, что после Октября было установлено 109 мемориальных досок, посвященных В. И. Ленину; 115 мемориальных досок, посвященных революционным деятелям; 80 мемориальных досок, посвященных героям гражданской и Великой Отечественной войны; 259 мемориальных досок в честь деятелей науки, техники, культуры и общественных деятелей.

По сравнению с приведенными количественными показателями число мемориальных надписей, установленных в честь государственных деятелей и полководцев дооктябрьского периода, составляет всего 8: М. И. Кутузову, М. П. Лазареву, С. О. Макарову, Петру I, А. В. Суворову, Ф. Ф. Ушакову.

Как видно из проведенных подсчетов, в количественном отношении мемориальные доски, отражающие идеологическую доктрину государства, составляли основу мемориального фонда. Устойчивость речевой структуры мемориальных текстов «подчеркивает спиралевидность характера развития журналистской профессии в России, которая дважды осуществила переход от однообразия и идеологизированности к коммерческим отношениям и разноидейности. Первый раз — в 20–30-е годы XIX века, второй раз — с отказом от пропагандистских традиций советской журналистики и с развитием коммерческих СМИ на постсоветском пространстве» [1, с. 116]. Мемориальные тексты постсоветского периода по своей речевой структуре и стилистическому оформлению качественно отличаются от мемориальных текстов советской эпохи и отражают те общественные перемены, которые произошли в стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гордеев Ю. А.* Внутреннее акцентирование в оформлении пресс-рекламы // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения: Материалы межвуз. науч.-практич. конф. / Под ред. В. И. Конькова. СПб.: Роза мира, 2004. С. 116–118.

2. *Калинин Б. Н., Юревич П. П.* Памятники и мемориальные доски Ленинграда. Л.: Лениздат, 1979. 520 с.

3. *Коньков В. И.* Редукция как принцип построения массового текста // Средства массовой информации в современном мире–2000: Тезисы научно-практической конференции. СПб.: Роза мира, 2000. С. 138–140.

4. *Купина Н. А.* Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь: Изд-во Урал. ун-та; ЗУУНЦ, 1995. 144 с.

5. *Левин Ю. И.* О семиотике искажения истины // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. М., 1974. Вып. 4. С. 109–112.

6. *Неупокоева О. В.* Речевой облик периодического издания (на примере газеты «Лимонка»/ «Генеральная линия»): Автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2006. 19 с.

7. О мемориальных досках в Санкт-Петербурге: Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 17 янв. 2005 года № 2 (с изменениями от 3 августа 2006 года № 950) // Российский правовой портал «Семерка». URL: http://www.law7.ru/base99/part7/d99ru7896.htm.

8. *Платонова О. В.* Средства массовой информации и культура речи // Культура русской речи: Учебник для вузов / Под ред. Л. К. Граудиной и Е. Н. Ширяева. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1998. С. 238–281.

9. *Редькина Т. Ю.* Особенности номинации в публицистическом тексте (на материале универбатов-неологизмов). Автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб, 2004. 19 с.

10. *Тимофеев В. Н., Порецкая Э. Н., Ефремова Н. Н.* Мемориальные доски Санкт-Петербурга. СПб.: Арт-бюро, 1999. 607 с.

REFERENCES

1. *Gordeev Ju. A.* Vnutrennee akcentirovanie v oformlenii press-reklamy // Sredstva massovoj informacii v sovremennom mire. Peterburgskie chtenija: Materialy mezhvuz. nauch.-praktich. konf. / Pod red. V. I. Kon'kova. SPb.: Roza mira, 2004. S. 116–118.

2. *Kalinin B. N., Jurevich P. P.* Pamjatniki i memorial'nye doski Leningrada. L.: Lenizdat, 1979. 520 s.

3. *Kon'kov V. I.* Reduktsija kak princip postroenija massovogo teksta // Sredstva massovoj informacii v sovremennom mire 2000: Tezisy nauchno-prakticheskoj konferentsii. SPb.: Roza mira, 2000. S. 138–140.

4. *Kupina N. A.* Totalitarnyj jazyk: Slovar' i rechevye reakcii. Ekaterinburg; Perm': Izd-vo Ural. un-ta; ZUUNC, 1995. 144 s.

5. *Levin Ju. I.* O semiotike iskazhenija istiny// Informacionnye voprosy semiotiki, lingvistiki i avtomaticheskogo perevoda. M., 1974. Vyp. 4. S.109–112.

6. *Neupokoeva O. V.* Rechevoj oblik periodicheskogo izdanija (na primere gazety «Limonka»/ «General'naja linija»): Avtoref. dis. … kand. filol. nauk. SPb., 2006. 19 s.

7. O memorial'nyh doskah v Sankt-Peterburge: Postanovlenie Pravitel'stva Sankt-Peterburga ot 17 janv. 2005 goda №2 (s izmenenijami ot 3 avgusta 2006 goda №950) // Rossijskij pravovoj portal «Semerka». URL: http://www.law7.ru/base99/part7/d99ru7896.htm.

8. *Platonova O. V.* Sredstva massovoj informatsii i kul'tura rechi // Kul'tura russkoj rechi: Uchebnik dlja vuzov / Pod red. L. K. Graudinoj i E. N. Shirjaeva. M.: Izdatel'skaja gruppa NORMA-INFRA, 1998. S. 238–281.

9. *Red'kina T. Ju.* Osobennosti nominatsii v publitsisticheskom tekste (na materiale univerbatov-neologizmov): Avtoref. dis. … kand. filol. nauk. SPb, 2004. 19 s.

10. *Timofeev V. N., Poreckaja Je. N., Efremova N. N.* Memorial'nye doski Sankt-Peterburga. SPb.: Art-bjuro, 1999. 607 s.

Г. А. Калмыкова

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КАУЗАЛЬНОСТИ В ПЬЕСЕ В. БОРХЕРТА “DRAUBEN VOR DER TÜR”

Анализируются каузальные конструкции, функционирующие в тексте пьесы В. Борхерта «Перед закрытой дверью». Язык пьесы характеризуется наличием большого количества каузальных структур. Исследуется своеобразие их прагматических характеристик, обусловленное контекстом пьесы, прослеживаются условия, которые способствуют изменению основного значения функционирующей каузальной структуры. Анализ осуществлялся в отношении вопросительных предложений с вопросительным словом warum, предложений, маркированных союзами weil, denn и wenn, а также предложенных сочетаний с семантикой каузальности и слов-каузаторов.

Ключевые слова: прагматический анализ, каузальность, функция, эксплицитный, имплицитный.